

Путь библиотеки (1814–1939) Общий обзор

К концу царствования Екатерины II было решено использовать захваченные в качестве военных трофеев книжные собрания (около 250 тыс. томов) для организации библиотеки.

В мае 1795 г. по проекту архитектора Соколова приступили к постройке здания. Предполагалось построить здание дворцового типа с зимним садом, мраморными статуями, расписными плафонами. Смерть Екатерины помешала осуществить эти намерения. Работы приостановили, чертежи были пересмотрены, и здание достроил Л. Руска только в 1801 г.

В это время – с 1795 по 1801 г – и позже, когда здание уже было окончено, велись работы по организации библиотеки: составлялись инвентари, обсуждались схемы для распределения книг по отделам.

Интересна, в числе других, классификация книг, предложенная библиотекарем Антоновским. Книги были распределены по следующим отделам: 1) Богословие; 2) Законоведение; 3) Естествознание и врачество; 4) Любоумудрие; 5) Математика; 6) История и землеописание; 7) Свободные или изящные науки, художество и ремесла. Основания для разбивки именно на семь отделов были весьма «существенны». Дело в том, что в Библии говорится: «Премудрость созда себе храм и утверди столбов семь».

В общем работы подвигались очень медленно. К 1808 г., т. е. за 13 лет, было разобрано только 103 тыс. томов. Книги расставлялись согласно системе, предложенной помощником директора библиотеки А. Н. Олениным – литератором, дилетантом-художником и ученым, другом писателей Г. Р. Державина, В. В. Капниста и др.

По этой системе предусматривались три основных раздела: науки, искусство, филология, которые в свою очередь подразделялись на более мелкие отделы.

Гораздо больше внимания и усердия уделялось внешнему виду библиотеки. Книгохранилище напоминало скорее дворцовые залы, временно приспособленные под библиотеку, где не хватало только «лучшего сада с цветниками, водопадами и водоемами для прохлады в летнее время раскаленного побуждением ума читающих в оной людей», как это было предусмотрено в одном из первых проектов. Книги же собирались «переплетать в красный сафьян и в обрез с позолотою, по приличию, соответственному великолепию и достоинству Российской империи».

Для читателей библиотеку предполагали открыть в 1812 г. Но Отечественная война и последующие события заставили отказаться от этой мысли. Когда одно время нависла опасность занятия французами Петербурга, основные собрания библиотеки были вывезены. Всего было вывезено около 150 тыс. томов, которые только в декабре 1812 г. смогли быть возвращены в Петербург.

Еще прошел год, затраченный на приведение в порядок библиотеки. Всего в это время насчитывалось около 275 тыс. единиц хранения, включая рукописи и гравюры. И количественно и качественно собрания библиотеки росли крайне медленно. Оно и понятно. Средства отпускались мизерные. Из них приходилось платить жалованье сотрудникам и оплачивать хозяйственные расходы и переплет книг и, наконец, приобретать книги. Понятно, что на последнее почти ровно ничего не оставалось. Приходилось «всеподданнейше уповать» на случайные «высочайшие» подачки. Но и они были редки. Правда, в 1810 г. библиотека получила право получать бесплатно по два экземпляра всей выходящей в пределах страны печатной продукции. Но это постановление выполнялось неаккуратно. Книги сплошь и рядом не доставлялись. В переписке все время встречались жалобы на недоставление того или иного издания.

14 (2) января 1814 г. состоялось, наконец, долгожданное открытие библиотеки. Этот день, по традиции, считается днем основания. И действительно, только теперь началась ее «история», ибо библиотека может считать себя таковой, только имея читателей. Таким образом, Публичная библиотека не только самое большое, но и самое старое книгохранилище открытого типа в нашей стране. Ведь библиотека Академии наук СССР, основанная в 1725 г., призвана была обслуживать только узкий круг связанных с Академией лиц.

На торжественном акте, которым было ознаменовано открытие библиотеки, библиотекарь-баснописец Иван Андреевич Крылов прочел специально для сего случая заготовленную им басню «Водолазы».

Среди библиотечных работников мы находим имена К. Н. Батюшкова, А. А. Дельвига и Н. И. Гнедича, баснописца И. А. Крылова, М. Н. Загоскина. Надо отметить, что каталогизация и систематизация фондов двигались крайне медленно. Многие фонды представляли собою полнейший хаос. Вот как примерно выглядела библиотека в 20-х гг. минувшего столетия по описанию одного из немногих ее читателей: «Каталогов не было. Только вновь поступившим русским книгам велись списки, но не было систематических списков книгам ни немецким, ни латинским, ни на других языках. Для получения желаемой книги вы записывали ее на авось, и также на авось искал ее в этом хаосе дежурный библиотекарь. Если вы вообще были счастливы в азартных играх, то дня через 3–4 получали желаемую книгу, не то библиотекарь предлагал вам другую из того же отдела литературы или наук».

Совершенно естественно, что при таком «устройстве» библиотека мало привлекала читателей. В год открытия записалось 369 человек; книг они затребовали 1341. Частые достройки здания (например в 1828 г. библиотеку достраивал Росси) делали ее еще более недоступной для занятий. Но все же число читателей росло неуклонно. Шли сороковые годы. В жизнь вступал «разночинец», пробиваясь к знаниям и культуре, а возможности для этого были так ограничены.

В 1843 г. умер А. Н. Оленин. Его сменил Д. Н. Бутурлин – бюрократ, самодур и невежда, настоящий «сановник» аракчеевской школы. О нем ходил анекдот, приписывающий ему слова, что и «Евангелие следовало бы сократить, если бы оно не было уже такой распространенной книгой». При нем больше

всего заботились о формальном, внешнем порядке. Прирост фондов, и без того ограниченный, сократился еще больше. За 6 лет – с 1843 по 1849 г. – было куплено 3314 томов. Всего же поступило 15 685 томов. Только в рукописном отделе был составлен каталог рукописям, да в отделении истории начались первые работы по систематизации фондов.

Примерно в это время – при преемнике Бутурлина бароне М. А. Корфе, – была введена та система, следы которой (и притом довольно ощутимые) сохранились и по сей день – мы имеем в виду крепостную расстановку книг. В основу систематизации фондов была положена устаревшая, пожалуй, и к тому времени французская система XVIII в. Брюне. То или иное сочинение довольно произвольно относилось в тот или иной отдел. Границы же самих отделов были также довольно неопределенны. Устаревшая система приводила к тому, что например, в отделе искусства, наряду с нотами, гравюрами, книгами и журналами по искусству, хранились сочинения по сельскому хозяйству, ремеслам и т. п. Библиотекари выписывали новую литературу, не сверяя заказов. Таким образом, некоторые издания поступали в двух экземплярах в разные отделы, другие же не поступали вовсе. Обработка происходила в отделениях, причем каждое отделение имело свои нормы описаний. Каталоги хранились при отделении. Для наведения справки приходилось порой предпринимать целое путешествие по библиотеке.

В это время библиотека окончательно определяется как «императорская». Она даже переходит на некоторое время из ведения Министерства народного просвещения в Министерство императорского двора на том основании, что она, «подобно музеям и другим хранилищам, предмет, в некотором отношении, роскоши, но роскоши государственной, составляющий один из предметов народной славы и гордости». Таким образом, библиотека и теперь – в середине XIX в. – рассматривалась не как рассадница просвещения, не как носительница культуры, а как своего рода «роскошь», нужная только для поддержания вящей славы российской монархии.

Разделанные под мрамор колонны и статуи античных богов и героев белели на фоне тяжелых портьер в сумерках пышных и холодных зал. Покрытые красными бархатными дорожками, блестели тщательно навощенные дубовые паркеты, по ним изредка неслышными шагами неторопливо проходил дежурный чиновник. На всем лежал отпечаток величия и... покоя. Зато не было вспомогательной библиотеки в маленьком читальном зале: «сводом законов» и несколькими словарями ограничивался справочный аппарат, не было и каталогов. На проекте правил библиотеки 1851 г. стояла наложенная «державной» рукой резолюция: «нижних чинов вовсе не пускать, а воспитанников учебных заведений, кроме университетских студентов, нет никого повода впускать, ибо они не кончили своего образования». Пять лет спустя правила «смягчились»: разрешалось пускать нижних чинов из дворян и юнкеров некоторых училищ.

Но несмотря на эти ограничения, число читателей стремительно росло. Маленький зал не мог вместить всех желающих работать. В 1854 г. 1998 человек (в том числе 23 женщины) посетили библиотеку 20 645 раз, затребовав 31 475 книг. Спустя 29 лет – в 1874 г. – выдано 11 448 билетов (женщинам из

них – уже 980), при 120 508 посещениях выдана 371 721 книга. Вот почему в 1862 г. пришлось открыть новый, специально построенный читальный зал.

В начале 50-х гг. окончательно сложилась структура библиотеки по отделениям, которая почти неизменно просуществовала вплоть до 1929/30 г.

Несмотря на указанные многочисленные недостатки в работе и в задачах, которые ставила перед собой теперь библиотека, произошли значительные сдвиги. Правда, меньше всего они касались обслуживания и интересов читателей. Но в упорядочении фондов и в комплектовании достижения были несомненны, и притом немалые. Не касаясь личных достоинств и взглядов директора библиотеки барона М. А. Корфа – бюрократа-чиновника, реакционера и царедворца до мозга костей, мы не можем отказать ему в качествах умного и толкового администратора, сумевшего привлечь к работе в библиотеке талантливых и преданных делу людей, какими были, например, Собольчиков, Стасов и многие другие.

Тщательно выискиваются в дублетном фонде, у комиссионеров и книгопродавцев недостающие издания, во все стороны России, в Сирию, Палестину и Грецию посылаются ученые со специальным поручением доставать рукописи. Так попадает в библиотеку собрание греческих рукописей Тишендорфа, грузинское евангелие XI в. с чрезвычайно ценными миниатюрами, так называемое Пицундское и многие другие. Скупаются собрания отечественных рукописей и книг, как, например, великолепное, насыщенное уникальными экземплярами «Древлехранилище» Погодина. Стекаются многочисленные пожертвования ото всех слоев общества – библиотека сумела привлечь к себе заслуженное внимание и интерес. В особенности обращены усилия сотрудников библиотеки на комплектование отдела русской книги; самым старательным образом выискивается и скупается все недостающее.

Не с меньшей энергией организуется отдел «Rossica», равного по полноте которому нет нигде в мире.

Десятилетия, завершившие XIX столетие, мало изменили направленность библиотеки и ее установки. Во главе ее стояли или чиновники, как, например, будущий министр народного просвещения И. Д. Делянов (1861–1882 гг.), ретроград и «лакей Каткова» Д. Ф. Кобеко (1902–1917 гг.), сосланный сюда за «либерализм», или же крупные представители официальной науки, как, например, А. Ф. Бычков (1882–1899 гг.) и Н. К. Шильдер (1899–1902 гг.), которые более или менее успешно поддерживали дворянско-монархические традиции вверенного им учреждения. Библиотека осталась как бы в стороне от огромных социальных и экономических сдвигов, происшедших в стране. Она жила своей обособленной жизнью, своими узкими интересами.

В конце XIX в. и начале XX в. за Публичной библиотекой прочно утвердилась репутация одной из самых больших и богатых библиотек мира. Некоторые же собрания считались даже уникальными: «Rossica», русские книги и рукописи, отдельные коллекции в отделе рукописей и эстампов. Но все эти сокровища были как бы за семью печатями. Неподготовленному или малоквалифицированному читателю ровно никакой помощи в библиотеке не оказывалось. Отсутствовали справочные и подсобные издания и картотеки, не было консуль-

таций. Всех читателей независимо от уровня их знаний и запросов обслуживал один читальный зал. Проникнуть в отделения было делом далеко не легким. Библиотекари сидели в своих отделениях, «оберегая вверенные им фонды, рапортуя в конце года начальству о том, что ни одна книга не пропала. Можно подумать, что библиотеки – только место для хранения книг и вовсе не ставят себе целью распространять их между людьми», – писал посетивший библиотеку путешественник-иностранец.

«Запретный дух господствовал в ней: в карточках каталогов юридического отделения на сочинениях Лассалья стояла пометка: «запрещено», а почтенный Феттерлейн, как цербер, сидел в своей «Rossica», пуская в нее особ не ниже 4 класса», – отмечает в своих воспоминаниях один из бывших библиотекарей.

В 1902 г. после шестилетних строительных работ была открыта новая часть здания с большим читальным залом. Здание библиотеки приобрело тот вид, которое оно сохраняет и по сей день. Новый читальный зал был насущно необходим: так возросло число читателей. В 1904 г. их было 22 195 (женщин 5929). Выдача достигла 248 603 томов.

Скопление народа, в особенности учащихся высших учебных заведений, подало революционерам мысль распространять здесь свои прокламации. Здесь же назначались явки, устраивались свидания. 10 января 1905 г. на многолюдном митинге протеста против расстрела (9-е января) выступал в читальном зале Максим Горький. Библиотеку вследствие сего было велено на месяц для читателей закрыть.

Работали в читальном зале и В. И. Ленин, и Н. К. Крупская, и Г. В. Плеханов.

2 января 1914 г., справляя свой вековой юбилей, библиотека подводила итоги. 3 016 635 книг, рукописей, нот, карт, гравюр и фотографий хранилось на полках, в ее шкафах и витринах. 204 797 посетителей прошли через читальный зал, затребовав 522 958 книг. Юбилей отметила вся тогдашняя пресса. По обыкновению, глупо, грубо и тупо выступила черносотенная пресса, усмотрев в деятельности библиотеки подрыв основ и происки евреев. Смаковали мелкие анекдоты бульварные, желтые листки. «Разумной демократизации» просили кадетские либеральные газеты типа «Речи».

Но по пути «разумной демократизации», по пути мелких реформ библиотека не пошла. Тому помешали грозные и великие события.

Юбилейный 1914 г. был по существу последним годом «императорской» библиотеки. Правда, эта пышная приставка украшает ее еще три года, но события, потрясшие весь мир, не могли не выбить из размеренной колеи застывшую в вековой традиции жизнь библиотеки. Число читателей резко снижается. В 1917 г. их было всего 15 709 человек. Резко сократилось и комплектование. Библиотека попала в настолько тяжелое положение, что даже Временное правительство при всей его безалаберности и неустойчивости вынуждено было увеличить штат с 42 до 57 человек. Таким образом, на каждого сотрудника приходилось около 100 тыс. единиц хранения.

Наступили дни Великой Октябрьской социалистической революции. Рабочий класс, твердо и уверенно захватив власть в свои руки, не мог оставить и

не оставил без внимания такое мощное, незаменимое, бесценное орудие культуры и пропаганды, каким была Публичная библиотека. Это прекрасно выражено в известной записке Владимира Ильича, набросанной им чуть ли не в первые дни после взятия Смольного¹.

Мы не имеем возможности, да и не задаемся целью проследить подробно путь библиотеки после Великой Октябрьской революции и еще меньше ставим своей задачей отобразить достижения ее на этом пути. Последующие статьи, посвященные отдельным вопросам, делают это и конкретнее, и глубже, и детальнее. Наша задача дать только общий обзор ее установок и методов, при помощи которых эти установки претворялись в жизнь.

Прежде всего необходимо отметить, что интересы читателей, бывшие до сих пор в пренебрежении и подчиненные другим задачам, которые ставила перед собой прежде библиотека, сразу становятся в центре ее деятельности. Уже в 1917 г. начались работы по созданию подсобной библиотеки читального зала для скорейшего удовлетворения требований читателей. В скором времени она достигает 40 тыс. томов и даже начинает получать свой второй обязательный экземпляр. В конце 1918 г. организуется впервые в России справочное бюро, которое ставит перед собою первое время очень скромные задачи – определять местонахождение того или иного издания. Но уже очень скоро ему приходится выйти из этих границ и начать систематически оказывать читателям помощь библиографическую вообще и притом в самом широком смысле этого слова. В том же году открывается и первая выставка, посвященная истории революционных движений в России и на Западе.

В суровую зиму 1920 г. немногие читатели ютились в единственном отапливаемом помещении – бывшей канцелярии. Их было всего 2115 человек за год. Остальное здание – пустое и холодное – почти не посещалось даже сотрудниками. Но уже зимой следующего года удалось приспособить для занятий старый читальный зал, построенный в 1862 г. Таким образом уже в первое трехлетие после Великой Октябрьской социалистической революции Публичная библиотека из «публичной» библиотеки для немногих привилегированных прежде слоев населения стремится стать подлинно массовым и народным книгохранилищем. И все же жизнь опрокидывала все расчеты и предположения: в 1922–1924 гг. число посетителей было столь велико, что читатели работали, сидя на ступеньках лестниц.

Сама структура управления библиотеки существенно изменилась. Во главе стоял выборный директор, власть которого, как «исполнительная», так и «законодательная», была ограничена многочисленными советами и комиссиями, что создавало волокиту: даже самые мелкие вопросы выносились на этот библиотечный «парламент». Но нельзя не отметить одно положительное качество этой организации. К участию в жизни библиотеки были привлечены представители бывшего прежде абсолютно бесправного технического персонала и так называемых «вольнотрудящихся».

¹ Ленинский сборник. М., 1930. Т. 21. С. 203–204.

Еще одним обстоятельством характеризуется трехлетие 1918–1921 гг. Библиотека в это время обогащает свои фонды в таком количестве и собраниями такого качества, о каких в эпоху самодержавия приходилось только мечтать. Публичная библиотека получает фонды Санкт-Петербургской Духовной академии, собрания рукописей и старопечатных книг Кирилла-Белозерского монастыря и Софийского собора в Новгороде, библиотеки принцев Ольденбургских, великого князя Владимира Александровича и др.

Последующие годы – с 1923 по 1929/30 гг. – характеризуются невиданным ростом читателей. Уже в 1924 г. было 420 тыс. посещений, т. е. более чем вдвое по сравнению с 1913 годом, считавшимся одним из рекордных по количеству посещений. Приходилось прежде всего перестроить работу таким образом, чтобы по возможности эффективнее и быстрее удовлетворить требования читателей. А одной только выдачей ограничиваться теперь уже не приходилось: новый читатель предъявлял высокие запросы. Помимо расширения уже прежде организованных методов работы, библиотека вводит новые формы. Прежде всего дифференцированное обслуживание читателей. Для высококвалифицированных специалистов организуется первоначально Кабинет иностранной литературы, на базе которого в 1932 г. открывается специальный читальный зал. С 1922 по 1929/30 г. образуются 6 филиалов библиотеки.

Заметны сдвиги и во внутренней работе библиотеки. В 1926 г. ставится вопрос о систематизации русского фонда. Заново просматриваются и каталоги иностранных фондов. Начинаются подготовительные работы над составлением печатной карточки.

На основе сталинской национальной политики призываются к жизни отделы библиотеки, бывшие прежде в пренебрежении. Развилась работа в отделе национальной литературы.

В этот период – с 1923 по 1929 г., – несмотря на крупные сдвиги в своей работе, библиотека не отражала задач, стоявших перед страной в целом. Она стояла как бы в стороне от великого дела построения социализма, участвуя в нем пассивно. И производственные планы, и проект нового устава аполитичны, непартийны и поэтому объективно враждебны. Абстрактным академизмом и формализмом характеризовалась научная и выставочная деятельность библиотеки. В 1930 г. наступает решительный перелом в деятельности библиотеки, в задачах, которые она перед собою ставит. Полностью отбрасывается старая, «отделенческая» структура библиотеки. Производственные процессы распределяются по специализированным отделам, чем несомненно достигается большая производительность труда, однотипность и т. д. Вводятся новые формы и методы работы с читателями: бюро внешних работ, межбиблиотечный абонемент и др.

Последующие статьи расскажут подробно об отдельных участках работы библиотеки, о методах и формах этой работы, о перспективах, которые ставит перед собой библиотека в дальнейшем. Но в заключение стоит оглянуться на пройденный библиотекой путь и подвести итог.

125 лет открыта библиотека для читателей. Из них столетие падает на царскую Россию и почти четверть века – на первую в мире пролетарскую рес-

публику. Каковы результаты деятельности библиотеки в эти два столь различных и по характеру, и по длительности периода?

В год открытия библиотеки – 1814 – ее посетили 369 человек, за требовавшие 1341 книгу. Фонды достигали неполных 300 тыс. единиц хранения.

Спустя столетие – в 1919 г. – число читателей достигло 27 433 человек при 194 082 посещениях. Затребовано было 462 187 книг. По специально произведенному подсчету, библиотека располагала в этом году 3 016 635 единицами хранения.

В 1937 г. библиотекой обслужено 59 582 читателя, посетивших библиотеку 688 472 раза; читателям выдано около 2½ млн томов книг. Число единиц хранения превысило 9 миллионов.

Много, правда, еще мелких и крупных недочетов в работе библиотеки. Некоторые из них проистекают из чрезвычайной скученности помещений, другие, как, например, научная работа, которую в продолжении нескольких лет не могут наладить, – благодаря неумелости руководства. Но все же и по размаху, и по общему стилю работы к своему 125-летнему юбилею Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина приходит как подлинное советское, социалистическое учреждение, качественно отличное от библиотеки «императорской».

Кацнельсон И. С. Путь библиотеки (1814–1939) : общий обзор // Красный библиотекарь. 1938. № 12. С. 17–22.